

В. Я. ПЕТРУХИН

«РУСЬ И ВСИ ЯЗЫЦИ»

Аспекты исторических взаимосвязей:
Историко-археологические очерки

STUDIA HISTORICA

ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ РАН

В. Я. ПЕТРУХИН

«РҮСЬ И ВСИ ЯЗЫЦИ»

Аспекты исторических взаимосвязей:
Историко-археологические очерки

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКИХ КУЛЬТУР
МОСКВА 2011

УДК 94.47
ББК 63.3(2)41Я73
П 31

*Издано при финансовой поддержке
Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям
в рамках Федеральной целевой программы «Культура России»*

Утверждено к печати
Ученым советом Института славяноведения РАН

Рецензенты:
канд. ист. наук А. А. Турилов; д-р ист. наук А. В. Чернецов

Петрухин В. Я.

П 31 «Русь и вси языци»: Аспекты исторических взаимосвязей: Историко-археологические очерки. — М.: Языки славянских культур, 2011. — 384 с. — (Studia historica).

ISBN 978-5-9551-0288-7

В монографии рассматривается широкий спектр культурных взаимосвязей формирующегося древнерусского этноса (руси) с окружающим миром и народами («языками»), начиная с проблем древнейших отношений балто-славянской общности с финно-угорским миром и кончая проблемой отношения русских к иным «языкам» в средневековый период. Взаимосвязи с народами, обитающими в разных областях Евразии, — варягами, хазарами и евреями, протоболгарами, уграми-венграми и зауральской югрой — исследуются как в сфере материальной культуры и искусства, так и в области книжных и фольклорных сюжетов, мифа и обряда.

ББК 63.3

*В оформлении переплета использован фрагмент иконы XVI в.
«Страшный суд. “Нечестивые народы”»,
из костела свв. Козьмы и Дамиана
(Луков-Венеция, северо-запад Словакии)*

Электронная версия данного издания является собственностью издательства, и ее распространение без согласия издательства запрещается.

ISBN 978-5-9551-0288-7

© В. Я. Петрухин, 2011
© Языки славянских культур, 2011

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Предисловие</i>	9
1. <i>Введение. «Русь, чудь и вси языци»</i>	11

I. Предыстория

2. Женильба Громовержца. Балтийско-финские мифологические параллели и проблемы начальной этнической истории балтов, финнов и славян в Восточной Европе	21
3. Существовал ли миф о небесной охоте в карело-финской мифологии?	27
4. Апостол Андрей и новгородская баня	36

II. Историческое пространство

5. История пространства и пространство истории	40
6. Перейти Дунай: славянская история и обряды перехода	48
7. Варяги и «предел Симов»	54
8. Трансконтинентальные связи древней Руси и поход Святослава на хазар	60

III. Русь и викинги — Восток и Запад

9. <i>Викинги</i> на западе и <i>русь</i> на востоке: в чем различие?	67
10. Похороны руса. Погребения знати эпохи викингов в описании Ибн Фадлана и данных археологии	73

11. Варяжская женщина на Востоке:
жена, рабыня или «валькирия»? 90

IV. Начальная история русской государственной власти в контексте межэтнических связей

12. Репрезентация власти русского князя в древнейший период:
Ибн Фадлан о власти русского князя
и хазарская традиция 101
13. Русские князья и дружина в IX — начале XI вв.:
социальная терминология и этнические связи 112
14. Князь Олег, Хелгу Кембриджского документа и
русский княжеский род 119

V. Начальное летописание: историческая идентификация

15. История славян и Руси в контексте библейской традиции:
миф и история в «Повести временных лет» 127
16. Пространство и время киевской легенды 147
17. «Преступиша сынове Хамови на землю Сифову»:
об одной «ошибке» в «Повести временных лет» 157

VI. Выбор веры в Восточной и Северной Европе

18. «Запона» с «судищем Господним»:
к интерпретации текста Начальной летописи 162
19. Олав Трюггвасон и проблемы русско-византийских
отношений в период крещения Руси 171
20. Обычай «вторичного» погребения и христианизация
языческих правителей в Северной и Восточной Европе:
от Саттон-Ху до Киева 176

VII. Язычество в древнерусской книжности

21. Были ли «русичи» Дажьбожьими внуками? 182
22. Древнерусский пантеон: итоги и перспективы
междисциплинарных исследований 192
23. «Праздник» в средневековой Руси:
к проблеме исторической специфики 200

24. Проводы Перуна: древнерусский «фольклор» и византийская традиция	209
---	-----

VIII. Иные «языцы», миграции и генеалогии: от угров до Югры

25. Венгры и русь в Поднепровье	216
26. Югра: начало взаимодействия славянского и финно-угорского миров	222
27. Русь из Пруссии: реанимация историографического мифа. . .	230
28. О «рассеянии» моравян: из комментария к новому изданию трактата Константина Багрянородного «Об управлении империей»	236
29. Хазарская дань и славяне: к истории тюрко-славянских отношений в Восточной Европе в IX в. . . .	240
30. К дискуссии о евреях в древней Руси: национальный романтизм и «улыбка чеширского кота». . . .	249

IX. Дохристианское искусство в евразийском контексте

31. Подвиги Геракла и священный брак: к истории изобразительных сюжетов «варварского искусства» в I-м тыс. н. э.	256
32. О скандинавских изобразительных традициях в древнерусском искусстве	265
33. Болгарские амулеты в виде конников: евразийский контекст	277

X. Древние традиции в русской историографии

34. Гостомысл: к истории книжного персонажа.	288
35. В. Н. Татищев: историографический нарратив — вымысел и реконструкция	295

XI. Перед судом Божиим

36. О «нечестивых» народах на Страшном суде: эсхатологический и иконографический мотив	302
37. О древнерусских стереотипах в культуре: отношение к иноверцам и инородцам	311

<i>Указатель этнонимов</i>	321
<i>Указатель имен</i>	324
<i>Источники и литература</i>	332

ПРЕДИСЛОВИЕ

Книга основывается на статьях и заметках, опубликованных автором в 1976—2010 гг., отчасти в малодоступных российскому читателю зарубежных изданиях; статьи доработаны автором в соответствии с общим замыслом книги — обнаружить свидетельства и механизмы этнокультурного взаимодействия Руси с миром Восточной Европы и Евразии. Рассматривается широкий спектр культурных взаимосвязей формирующегося древнерусского этноса (руси) с окружающим миром и народами («языками»), начиная с проблем древнейших отношений балто-славянской общности с финно-угорским миром и кончая проблемой отношения русских к иным «языкам» в средневековый период. Взаимосвязи с народами, обитающими в разных областях Евразии, — варягами, хазарами и евреями, протоболгарами, уграми (венграми) и зауральской югрой — исследуются как в сфере материальной культуры и искусства, так и в области книжных и фольклорных сюжетов, мифа и обряда. Книга поделена на разделы со сплошной нумерацией статей, снабжена внутренними отсылками на разделы и статьи, общим списком литературы.

В своих изысканиях автор пользовался неизменной поддержкой старшего коллеги академика Г. Г. Литаврина (1925—2009), содействовал изданию этой книги С. О. Шмидт. Книга дорабатывалась при поддержке программы ОИФН РАН «Генезис и взаимодействие социальных, культурных и языковых общностей» проекты «Аланы, хазары и Русь: этнокультурные взаимосвязи народов Восточной Европы в раннем средневековье (VIII—X вв.)» и «“Народное христианство” и библейская космогония: к происхождению славянских дуалистических легенд».

1. ВВЕДЕНИЕ.

«Русь, чудь и вси языци»

Разыскания составителя «Повести временных лет» по начальной истории славян в лишенном погодных дат космографическом введении к летописи не имели чисто книжного «академического» значения. Ведь главным вопросом летописи, сформулированным в ее заглавии, был вопрос: «Откуда есть пошла Русская земля?» Летописец знал из дошедших до него преданий, что само имя *русь* имеет варяжское (скандинавское) происхождение и «изначальная» русь была призвана вместе с варяжскими князьями в Новгород. Но язык, на котором составлялась летопись и на котором говорили современные летописцу русские люди, был славянским, тем самым, на который перевели Священные книги славянские первоучители Кирилл/Константин и Мефодий. Летописец констатировал: «А словеньский язык и русский одно есть, от варяг бо прозвашася русью, а первое беша словене» [ПВЛ: 16]. В книге имя *русь* как обозначение дружины и формирующейся этнической общности будет писаться со строчной буквы, имя *Русь* как обозначение страны — с прописной.

Причислив современную ему русь к словенскому языку, летописец включил ее в славянскую общность народов, населяющих Европу от Дуная до Варяжского (Балтийского) моря и Новгородчины. Но историческим центром славянской общности для летописца оставался Дунай, так как там, в Моравии, учили Кирилл и Мефодий и там, в Иллирике, провинции Римской империи («от Иерусалима до Иллирика»), согласно христианской традиции (Римл. XV. 19) учил еще апостол Павел. «Тем же и словеньску языку учитель есть Павел, от него же языка и мы есмо Русь, тем же и нам Руси учитель есть Павел» [Там же]. Эта тема равноправия Руси как христианской державы с другими странами оставалась актуальной на протяжении всего

средневекового периода: еще Иван Грозный ссылался на легенду об Андрее Первозванном (см. I.4) как на свидетельство одновременного распространения христианства на Руси и в Риме.

Летописное изыскание о начале христианства и книжной культуры у славян главный исследователь русских летописных сводов А. А. Шахматов [Шахматов, 1940: 80—92] возводил к предполагаемому западнославянскому (моравскому) «Сказанию о преложении книг на словенский язык», посвященному миссии Кирилла и Мефодия и сохранившемуся в составе «Повести временных лет». Каковы бы ни были источники летописи, это изыскание повлияло на дальнейшую работу летописца и на направление поисков места начальной *руси* среди «исторических» народов.

Главным образцом и источником для построения картины мира средневековых книжников оставалась Библия с ее преданием о расселении потомков сыновей Ноя и «Таблицей народов» (Бытие X). Начальная летопись использовала основанные на той же традиции греческие хронографы — Хронику Малалы (в древнерусском переводе — в составе т. н. Хронографа по Великому изложению, согласно А. А. Шахматову) и Хронику Георгия Амартола: но ни в Библии, ни в «Таблице народов» греческого хронографа не было упоминаний ни славян, ни руси. Здесь-то и понадобились приведенные ранее построения: используя Хронику Амартола, где перечисляются полунощные и западные страны в «Афетовом колене», летописец помещает словен вслед за упоминанием Иллирика [ПВЛ: 7] — ведь в этой римской провинции учил Павел, эту область, по свидетельствам латинских авторов, «захватили у ромеев» славяне еще в VII в. [Свод, II: 355]. В соседней провинции — Паннонии, напоминает далее летописец, епископом был уже другой апостол — Андроник, а его «наместником» на паннонской кафедре стал первоучитель славян Мефодий. При описании славянского расселения после вавилонского столпотворения, летописец отождествляет славян с жителями соседней с Иллириком и Паннонией римской провинции — Норика: «*нарци*, еже суть словени». Норик расположен к северо-западу от Паннонии в предальпийской области, там, где на крайнем пределе славянского расселения в Каринтии жили словенцы — летописные хорутане. Неясно, каким источником пользовался в этом случае летописец, но уроженец Паннонии Мартин Бракарский еще в VI в. при перечислении народов, испытавших влияние христианства, помещает славян (*склавоу*) перед жителями Норика (*Nara*: [Там же, I: 358—358]). Очевидно, легенды о происхождении христианства у славян стали известны Нестору благодаря кирилло-мефодиевской традиции, определявшей место славян во всемирной истории и всемирной империи — Риме.

Ситуация с *русью* была гораздо сложнее. Во-первых, русь обитала в той части «полуножных стран», которая не была описана у Амартола — этногеография Восточной Европы к северу от «Сарматии» и «Скифии» описана самим русским летописцем. Во-вторых, начальная русь не принадлежала «словенскому языку». Поэтому летописец помещает ее среди прочих неславянских народов Восточной Европы: «В Афетове же части седять русь, чюдъ и вси языци: меря, мурома, весь, мордѣва, заволочьская чюдъ, пермь, печера, ямь, угра, литва, зимѣгола, корсь, летѣгола, любь» [ПВЛ: 8]. Русь не случайно оказывается рядом с *чудью*: в широком смысле так назывались в древнерусской традиции все неславянские — «чужие» народы севера Восточной Европы, в узком — прибалтийско-финские племена Эстонии; эта чюдъ, согласно летописи, «приседит» к «морю Варяжскому» вместе с ляхами-поляками и *пруссам*, западнобалтским народом, а сама русь имеет варяжское происхождение. Тут же среди варягов помещает ее уже второй раз летописец: «Афетово бо и то колено: варязи, свеи, урмане, готе, русь». Далее следуют «агняне, галичане, волхѣва, римляне, немци, корлязи, веньдици, фрягове и прочии» [Там же].

Этот список, на первый взгляд, представляет собой простое перечисление северо- и западноевропейских этниконов, известных летописцу: от варягов до итальянцев — венецианцев и фрягов-генуэзцев. Более того, явной несообразностью в цитируемом фрагменте кажется повторение имени *русь* — сначала среди восточноевропейских, затем среди северноевропейских народов. Это давало повод для бесконечных «уличений» летописца в тенденциозном сочинительстве и вставках в более раннюю и «достоверную» летопись: якобы русь он вставил в перечень варяжских народов потому, что ему стала известна легенда о призвании варягов-руси, в то время как «исконная» русь обитала в Восточной Европе, и т. д., и т. п.

При внимательном чтении мы уже сейчас можем убедиться, что не только русь упомянута в космографическом введении к «Повести временных лет» дважды. Дважды упомянута и *волхѣва*, достаточно точно помещенная между галичанами — галлами (уэльсцами?) и римлянами, жителями Рима¹: это те самые франки — волохи, которые, как говорится далее, «нашедши на словени на дунайския» и сели среди них, творя насилие [Там же]. Такими же «находниками» впоследствии изображает летописец и варяжскую русь в Восточной Европе,

¹ В средние века римлянами в широком смысле — «ромеями» — признавались граждане Восточной Римской империи (Византии), именем *Romanus* стали обозначать, в том числе во франкской традиции, собственно жителей Рима [Geary 2003: 141].

среди славянских и финно-угорских племен. Здесь же, кстати, становится ясно, почему для обозначения франков летописец использовал архаичный этникон *волохи*: франками — фрягами в его времена называли уже гетуэзцев, упомянутых в списке вслед за венецианцами и завершающих перечень волошских народов. Да и собственно *словене* получают двойную идентификацию — они обретаются в области Иллирика, но отождествляются с нарцами.

Сама структура списка этнонимов позволяет усмотреть некую иерархию в перечислении народов: варяги — это не отдельный народ, а общее наименование всех скандинавских племен, которые и перечислены следом — свеи-шведы, урмане-норвежцы (норманны), готы-готландцы; завершает список русь. Далее следуют агняне-англы, которые, казалось бы, уже не относятся к скандинавским народам. Однако далее, в легенде о призвании варяжских князей, летописец включает и англов в число варягов. Возможно, это отражало знания о политической ситуации в Западной Европе, когда Англия сначала входила в состав государства датского конунга Кнута Великого, а затем была завоевана норманнами Вильгельма, герцога Нормандии, в 1066 г. Скорее летописец использовал здесь упомянутое «Сказание о преложении книг на словенский язык», которое воздействовало и на еврейскую хронику второй половины X в. «Книгу Иосиппон», помещавшую русь рядом с англами и саксами, живущими «на великом море». Это совпадение с Иосиппоном тем более разительно, что еврейский хронограф также упоминал русь дважды в своей таблице народов: один раз на море рядом с англами, другой — на реке «Кива», в которой исследователи справедливо видят наименование Киева, перенесенное на реку Днепр, ср. [Петрухин 1995: 25—35; Рашковский 2009].

Это совпадение данных еврейского хронографа и русской летописи интересно не только тем, что обнаруживает реальные основы предания о варяжском происхождении руси, но и тем, что позволяет отчетливо представить себе структуру летописного повествования. Образцом для обеих хроник была библейская Таблица народов. Ср. синодальный перевод (Бытие, X):

1. «Вот родословие сынов Ноевых: Сима, Хама и Иафета. После потопа родились у них дети.

2. Сыны Иафета: Гомер, Магог, Мадай, Иаван, Фувал, Мешех и Фирас.

3. Сыны Гомера: Аскеназ, Рифат и Фогарма.

4. Сыны Иавана: Елиса, Фарсис, Киттим и Доданим.

5. От сих заселились острова народов в землях их, каждый по языку своему, по племенам своим, в народах своих».

Иосиппон прямо следовал библейской таблице, отождествив Мешех с саксами, а соседних Фирас (Тирас) — с русью; славяне, как и в большинстве раннесредневековых традиций, отнесены к «сынам» другого потомка Иафета — Доданим — и размещены на Дунае от Болгарии до Венеции и на севере до саксов. Летописец упоминал лишь трех сыновей Ноя, распределив между ними, вслед за Хроникой Амартола, все известные ему земли и языки. Но и летопись, и Иосиппон, и вся средневековая историография (ср. [Мыльников 1996]: об отождествлении Мосоха/Мешеха с Москвой и т. д.) следовали структуре библейской таблицы: имя народа (языка) называлось сначала в числе первых потомков трех сыновей Ноя, затем повторялось в начале перечня следующего поколения; дальнейшее изложение было уже не «генеалогическим», а историко-географическим, о том, где «заселились» потомки Ноя в «народах своих». Так находят объяснение повторы имен руси, словен и волхвы в генеалогическом и конкретном историко-географическом значении.

Понятной становится и структура самих списков народов: возглавляет этот список этникон, обозначающий группу родственных народов. Таковы варяги в начале списка варяжских народов, а также «чудь и вси языци» — слова, предворяющие список неславянских народов Восточной Европы: сам этникон *чудь* и был обобщающим, относящимся ко всем «чужим» народам. В русской Начальной летописи этим общим названием именовались неславянские народы, платившие дань Русскому государству, прежде всего — финно-угорские народы. Это наименование прочно удерживалось в русской фольклорной традиции: в былинах «Как Добрыня чудь покорил», вошедшей в «Сборник Кириши Данилова» — самое раннее собрание фольклорных текстов (XVIII в.), говорится о том, как богатырь «вырубил чудь белоглазую, прекратил сорочину долгополую (сарацин), а и тех черкас петигорских, и тех калмыков с татарами» — вплоть до чукчей и аляutorцев, жителей Чукотки (ср. в последней главке — о Страшном суде). Эта фольклорная традиция обнаруживает тот же механизм, что и раннеисторическая книжная — условное племенное название, этникон, переносится на новые народы по мере расселения или государственного освоения новых территорий. Интересно, что в преданиях Русского Севера покоренная чудь ушла под землю — исчезновение автохтонного народа воспроизводит, таким образом, инвертированный этногенетический миф о появлении автохтонов прямо из своей земли.

В летописном повествовании варяги сидят по морю к западу до «земле Агнянски и до Волошьски» (ср. II.7). Значит, список народов Западной Европы открывает *волъхва*. Мы уже выяснили, что волохи

«Повести временных лет» — это франки. Тогда становится понятным и последующий список народов, даже загадочные *корлязи*. Этот этникон восходит к династическому имени *Каролинги*, правителям из династии Карла Великого — на сохранение этого имени претендовали и Капетинги, короли современной летописцу Франции, ср. [Тихомиров 1975: 34—35]. Волохи — это римляне (жители Рима), немцы и прочие «народы», входившие в состав населения «Римской империи» Каролингов, а затем, при летописце — Германской «Римской империи», к восстановлению которой стремились уже германские короли.

Итак, выясняется, что перечни народов в летописи имеют структуру, аналогичную собственно библейской Таблице народов. Список родственных народов в «Афетове колене» вводится обобщающим этниконом: варяги — свеи, урмане и т. д., волхва — римляне, немцы и т. д., наконец, чудь и «вси языци» — меря, мурома и т. д. Этот принцип перечисления — принцип «этногенетический», а не «географический», как у Амартола, и этот принцип введен летописцем не случайно.

Следующая задача летописца, подчиненная все той же цели — выяснить, «откуда есть пошла Русская земля» и указать место *руси* уже среди славянских народов. Для этого ему нужно было перейти от статичного географического описания, где славяне помещены рядом с Иллириком, далеко от Руси, к историческому расселению славян от Дуная. Поэтому вслед за этногенетической частью, содержащей проанализированные списки народов Европы, где славяне не упомянуты, вводится мотив вавилонского столпотворения (основанный на «Хронографе», включавшем фрагменты ветхозаветного апокрифа «Малое бытие») и рассеяния народов, среди них — словен, которые сели на Дунае, «где есть ныне Угорьска земля и Болгарьска». «И от тѣхъ словѣнь разидошася по землѣ и прозвашася имени своими, гдѣ сѣдше на котором месте», — завершает летописец цитатой из Таблицы народов этот пассаж [ПВЛ: 8].

Один из ранних византийских авторов, Феофилакт Симокатта, повествующих о славянах, рассказал о походе греков против аваров в конце VI в.: те заключили мир с Византией, но «натравили» на греков союзное племя славян, которое подступило к Длинным стенам; византийскому стратигу удалось рассеять «полчища» славян. Характерен странный пассаж о встрече императора Маврикия со славянами, приводимый в связи с этой военной кампанией. К императору доставили трех славянских пленников, «не имевших при себе ничего железного и никакого оружия: единственной их ношей были кифары»; император учинил допрос: «какого они племени, где им выпало жить и почему они оказались в ромейских землях». Те «отвечали, что по племени они славяне (Σκλαυηνοί), живут у оконечности Западного океана» (Балтийском море — Венедском заливе Океана античных авторов);

аварский хаган отправил их как послов собрать славянские войска, прислав старейшинам славян богатые дары. Вожди славян отказались идти в поход, сославшись на дальность предприятия (пятнадцать месяцев пути). Хаган же, вопреки закону, задержал послов, так что те попытались пробраться на родину через Фракию и Византию. Они показывали императору свои кифары, демонстрируя приверженность к мирным «мусическим упражнениям», но не к войне. Маврикий «восхитился их племенем» и оказал гостеприимство, подивившись, впрочем, размерами их тел и огромности членов» [Свод, II: 15—17].

Смысл этого пассажа вызвал оживленную полемику: Ф. Курта [Курта 2008: 161—162] настаивает на том, что пассаж представляет собой образец историографической конструкции, ориентированной на античные образцы (начиная с Геродота, писавшего о мудрых варварах), и не может использоваться напрямую как источник информации о славянской идентичности. Среди мотивов, связанных с послами-кифаредями, следует все же выделить один, который не связан с античными топосами и носит явно не праздный характер: это вопрос о «роде-племене», который в изложении того же Феофилакта Симокатты повторяли византийцы при столкновениях с варварами, ср. [Свод, II: 23]. Это был один из центральных вопросов политики империи: нужно было знать происхождение варваров, чтобы разделять и властвовать. Этой политике посвящен трактат Константина Багрянородного «Об управлении государством», но ближайшую параллель сюжету кифаредов представляет рассказ о появлении послов другого народа при дворе другого императора, уже в 939 г.

Это знаменитый рассказ Бертинских анналов о первом появлении «народа Рос» при дворе франкского императора Людовика Благочестивого, разбор которого в контексте проблемы происхождения имени *русь* предлагается ниже (III.8). Послы «Рос» появляются без кифар, но «ради дружбы», ссылаясь на то, что обратной дороги им нет, они просят Людовика пропустить их через землю франков. Император спрашивает, какого они рода, и те отвечают — от «рода свеонов». Распознав в них викингов, Людовик велит задержать послов как шпионов. Маврикий оказывается более гостеприимным, но вопрос о происхождении и «обретение имени» носит и в VI и в IX в. непраздный характер. Существенно при этом, что византийское *иноназвание* (экзоним) руси *Рос* и имя страны *Росия/Россия* отличались от самоназваний *русь*, *русские*, *Русская земля*, как греческое имя *скламены/склавины* отличалось от самоназвания *словене*. Эти разные варианты наименования одних и тех же народов имели длительную самостоятельную историю, как и наименования немцев, болгар, венгров, влавхов и др., о чем еще пойдет речь (III.9).

Сейчас вернемся к летописи. Расселение славян связывается летописцем с франкским — «волошским» завоеванием. Далее географическое описание расселения совмещается с этногенетическим: ср. о западных славянах — «и от тех ляхов прозвашася поляне (польские поляне. — *В. П.*), ляхове друзии лутичи, ини мазовшане, ини поморяне (далее «от ляхов» производятся и восточнославянские племена радимичей и вятичей. — *В. П.*)... Тако же и ти словѣне пришедше и сѣдоша по Днепру и нарекошася поляне, а друзии древляне» [ПВЛ: 8] и т. д. о дреговичах, полочанах, словенах новгородских, северянах. Далее снова говорится о киевских полянах (характерный повтор) и о пути «из варяг в греки», который начинается от Киевских гор, апостоле Андрее, основании Киева, «племенных» княжениях восточных славян и расселении иных «языков» — веси, мери, черемиси, муромы и мордвы, которые не имеют своих княжений (этногеографическая часть). Эту информацию и подытоживает летописец, вводя упоминание Руси, но не в этногенетическом смысле (так как в этом смысле русь у него — варяжская), а в историко-географическом, государственном: «Се бо токмо словенеск язык в Руси: поляне, деревляне, *ноугородѣци*, *полочане* (курсив мой. — *В. П.*), дреговичи, сѣвер, бужане /.../ вельняне. /.../ А се суть инии языци, иже дань дают Руси: чюдъ, меря, весь, мурома, черемись, морьдва, пермь, печера, ямь, литва, зимигола, корсь, норома, либь» и т. д. [Там же: 10]. Все эти изыскания помещены во вводной космографической части «Повести временных лет», не разбитой на погодные записи: так традиционно начинались средневековые хронографы и «раннеисторические описания» вообще (включая саму Библию), ср. [Топоров 1973]. Собственно историческая часть начинается с даты (начало царствования императора Михаила — 852 г.), которую летописец вычислил (правда, неточно — см. [ПВЛ: 395—396]), опираясь на первое упоминание руси в Хронике Амартола.

Здесь уже целые списки «словенского языка» и «чудских» — неславянских народов, «иже дань дают Руси», повторены не в генеалогическом, а в «историческом» контексте (народы — данники Русского государства). Показательно, что в географическом отношении списки чудских народов представляют собой определенную (хорографическую) последовательность: собственно «чудские (финно-угорские) народы от чуди до ями (Хяме в Финляндии) отделены от балтских — литвы и прочих (к ним примыкает прибалтийско-финская по языку *либь* — ливы, замыкающая списки неславянских народов); обращает на себя внимание географическая лакуна между прибалтийской чюдью с верхневолжской мерей — ее должны занимать новгородские словене и кривичи, но в генеалогическом пассаже они пребывают

еще среди славянских народов на Дунае. В историко-географическом списке славянских народов они именуются уже новгородцами и полочанами — реальные географические привязки здесь актуальнее, чем генеалогические «дунайские».

Но дунайская история славян не прерывается в космографической части летописи, а имеет непосредственное и до сих пор обескураживающее исследователей продолжение в части датированной. Рассказав о призвании руси — варяжских князей (862 г.) и захвате Олегом Киева (882 г.), летописец возвращается под 898 г. к судьбам словен на Дунае. Этим годом он датирует поход венгров-угров на Дунай, где они изгнали волохов-франков (заимствовав у славян их название — «влахи/волохи») и подчинили живших там славян: «...оттоле прозвася земля Угорьска», — заключает летописец. Современные историки отмечают (ср. [Константин Багрянородный. Комментарий: 335—339]), что венгры прошли через Приднепровье раньше, чем в 898 г.: в этом нет ничего удивительного, так как все ранние летописные даты, начиная с первой, неточны и условны (ср. о походах венгров — VIII.24). Другое дело, что далее — под тем же годом! — летописец рассказывает и о миссии Кирилла и Мефодия в «Словеньскую землю», в Моравию, на Дунай: в этом рассказе Шахматов видел основной фрагмент «Сказания о преложении книг на славянский язык», использованного летописцем и в космографическом введении. Главная проблема здесь в том, что летописец не мог не знать, что и Кирилл (ум. в 869 г.), и Мефодий (ум. 885 г.) скончались до 898 г.; кроме того, он сам же нарушил приводимую им последовательность правления византийских императоров — вернулся в связи с моравской миссией к царствованию Михаила, тогда как ранее упомянул о воцарении Василия (868 г.) и Льва (887 г.). Что заставило летописцы нарушить собственную систему?

Разные исследователи видели в этом «сбое» то неумелость составителя, то опять-таки тенденциозность позднейших редакторов летописи, введших легенду о призвании руси-варягов вместо некоего исконного текста о приднепровской руси и все перепутавших, и т. п. В действительности летописец не скрывает своих целей — он продолжает исследование того, «откуда есть пошла Русская земля». Но в датированной части «Повести временных лет» речь идет уже не о географическом размещении руси среди полян и прочих «языков», а об исторической связи руси и славянства. Чтобы обозначить эту связь, летописец в качестве «привязки» руси к Дунайской истории славян использует поход венгров-угров мимо Киева, где сидят поляне и где уже обосновался в 882 г. со своей варяжско-словенской (новгородской) дружиной, прозвавшейся русью, князь Олег. Поход венгров служит поводом для новой демонстрации единства славянского «языка»:

«Бѣ един язык словѣнеск: словѣни, иже сѣдяху по Дунаеви, их же прияша угри, и моравя, и чеси, и ляхове, и поляне, яже ныне зовомая Русь». Прямым источниковым основанием для такой исторической конструкции служил договор 911 г. с греками, заключенный при Олеге «от рода рускаго» Карлом, Инегельдом, Фарлофом и прочими варягами и составленный на словенском языке, см. [ПВЛ: 18; Петрухин 2007a].

Сторонники славянского происхождения имени *русь* используют летописные слова о том, что поляне ныне, то есть во времена летописца, в начале XII в., зовутся русью, в качестве «рефрена» для построения гипотез о древних полянах-руси и т. п. Более внимательные читатели летописи обратили внимание на то, что в тексте — явное «недоразумение»: речь идет о *дунайских славянах*, летописец перечисляет их так же, как в космографическом введении, где за ляхами следуют поляне и другие племена Польши, и лишь затем — на Днепре одноименные поляне киевские; предполагали, что летописец просто перепутал польских и киевских полян. В действительности никакой путаницы здесь нет: летописец в соответствии с методами средневековой науки нашел самое подходящее место для естественного включения руси в круг славянских народов, принявших славянскую письменность: «сим бо первые преложены книги, мораве, яже прозвася грамота словѣнская, яже грамота есть в Руси и в болгарѣх дунайскихъ». Главное для летописца здесь — языковое единство, а не конкретная племенная принадлежность. Этим рассуждением он и заключает разыскания о славянах и славянской письменности: «А словеньский язык и русский одно есть, от варяг бо прозвашася русью, а первое бѣша словене; аще и поляне звахуся, но словеньскаа рѣчь бѣ», ср. [Петрухин, Раевский 2004: 245 и сл.].

Имя *русь* объединяет славянские племена, став (при князе Олеге) единым целым с киевскими полянами.

1. ПРЕДЫСТОРИЯ

2. ЖЕНИТЬБА ГРОМОВЕРЖЦА.

БАЛТИЙСКО-ФИНСКИЕ МИФОЛОГИЧЕСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ И ПРОБЛЕМЫ НАЧАЛЬНОЙ ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ БАЛТОВ, ФИННОВ И СЛАВЯН В ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ

Проблемы балтийско-финских мифологических параллелей — одна из традиционных тем сравнительной мифологии. Давно замечено, что финно-угорские небесные боги — саамский Айеке, финский и карельский Укко, мордовский Пурьгине-паз — могут преследовать злых духов громовыми стрелами: здесь очевидно древнее балтийское или балто-славянское влияние на образы громовников [Айхенвальд и др. 1982]¹. «Основной миф» балто-славянской (и даже индоевропейской) мифологии о преследовании Громовержцем своего земного (хтонического) противника надежно реконструируется на основе многочисленных балтийских и славянских фольклорных текстов [Иванов, Топоров 1974: 4—179].

Характерно при этом, что в саамской мифологии происходит определенная инверсия ролей главных персонажей «основного мифа»: имя злого духа, противника громовника у финнов, — *Перкеле* — и противника саамского Айеке — *Перкель* — явно относится к заимствованиям из балтийских языков, где персонаж с этим именем обозначал самого громовника, ср. имя литовского громовника *Перкунас* (для другого варианта имени финского злого духа — *Пиру* — источником заимствования считается славянское Перун). Подобная инверсия обычна в отношении богов соседних народов, которые наделяются негативными характеристиками (при том, что шаманисты-саамы в финской, равно

¹ Сходный сюжет в мифологии манси, где громовник Сяхыл-Торум поражает огненными стрелами злых духов — кулей, также сопоставляется с индоевропейскими традициями [Мифология манси: 134].

как и в русской, фольклорной традиции считались опасными колдунами); более того, в финно-угорской мифологии в целом верховный бог, как правило, носит имя, коренящееся в собственной традиции, в то время как его противник получает наименование, заимствованное у соседей, ср. [Naavio 1979: 124; Aikhenvald et al. 1989: 157]. Итак, прибалтийские финны и поволжская мордва заимствовала не только «основной миф», но и имена громовников из балтийского, но при этом в мордовской традиции не произошло «инверсии» их ролей, мордовский Пурьгине-паз сохранил функции громовника.

Менее распространены сюжеты, связанные с женитьбой Громовержца, практически неизвестные у славян и фрагментарно сохранившиеся в латышских и литовских дайнах: Перкунас может участвовать в сюжете «небесной свадьбы», где Месяц изменяет солнцу с денницей (зарей) Аушрой, и громовержец разрубает месяц мечом — этимологический миф об убывании луны. Более редкими оказываются тексты, где сам Громовник оказывается жертвой измены и низвергает свою жену (*Вайва* — «радуга») с неба на землю [Иванов, Топоров 1974: 25 и сл.].

Громовник оказывается участником подобных «свадебных» сюжетов у поволжских финнов. А. А. Шахматов в 1910 г. опубликовал записанную у мордвы-эрзи (в двух вариантах) замечательную свадебную песню, исполнявшуюся при приготовлении свадебного каравая:

*Перьть, перьть, благый бурьгине,
Уж перьть ёнкски пурьгине,
И серьгедеть вергедеть,
Каракарчи васыдить.*

«Со всех сторон злой (сердитый) гром,
Уж со всех сторон молния,
И закричат, и блеснут,
При встрече соединятся» [Шахматов 1910: 216—218].

Из последующего текста выясняется, что весь этот гром и молния гремят и освещают дом отца жениха, куда должна прибыть невеста. Почему об этом поется в свадебной песне, помогает прояснить миф, записанный (и литературно обработанный) П. И. Мельниковым-Печерским. Громовник Пурьгине-паз решил жениться на земной девушке, имя которой — Сыржа, «Заря», впрочем, выдает небесное, точнее — «атмосферное» происхождение. Но во время брачного пира громовержец разошелся, принялся с грохотом сотрясать стол, а потом его взгляд засверкал молнией, дом загорелся, а жених с невестой вознеслись прямо на небо [Мельников 1981: 52]. В мордовском сказочном фольклоре и эпических песнях образ самого громовника может быть

несколько приземлен, ибо он может изображаться богатым государем (*инязоро*), зато он не только женится на земной девушке (ее имя — *Литова*, *Литува*, равно как и этимология собственно экзонима *мордва*, — нуждаются в специальном анализе), но и поражает молнией семижильного змея (анализ сюжетов см. [Маскаев 1964: 112 и сл.]), что определенно напоминает развернутый «основной миф».

Уже говорилось, что обозначение грома и громовержца в мордовском языке заимствовано из балтийского. Балтийский Перкунас тоже оказывается героем свадебных песен, но там его гнев вполне определенно мотивирован: Перкунас участвует в небесной свадьбе месяца и солнца, но месяц изменяет солнцу с утренней зарей (ср. мордовскую Сыржу). Но гневливый громовник есть и в мифологии финнов: в описании карельских богов у М. Агриколы (сер. XVI в.) рассказывается, что когда Укко ссорится со своей женой Рауни, гремит гром, после чего устанавливается погода, благоприятная для урожая, ср. [Кочкуркина и др. 1990: 60; Salo: 92 ff.]. Мотив же небесной свадьбы солнца и луны известен и финской, и саамской мифологии — повсюду, где племена балтов жили по соседству с финскими. У самих финнов этот миф точно повторяет балтский (и близок славянскому): земную девушку (Суометар — «дочь Суоми») сватают солнце и месяц (она предпочитает сына Полярной звезды — воплощение постоянства [Кантеллар: 307—309])².

Более того, петербургский индолог Я. В. Васильков обратил внимание на то, что реконструируемая В. В. Ивановым и В. Н. Топоровым индоевропейская формула, описывающая расправу громовержца с обидчиком, — *perpertu ng(wh)im Perun (t-s)* ‘поражает/ударяет змея Громовержец’ — напоминает зачин мордовской песни: «Перть, перть, благый бурьгине» [Васильков 1998]³. Мордва оказалась наследницей древнейшей индоевропейской поэтической традиции, хотя

² Интересно, что М. Халанский, кажется первым обративший внимание на сходство мордовского и южнославянского сюжетов небесной свадьбы, объяснил это сходство заимствованием из русского фольклора [Халанский 1998: 40—44]; возражения против этого прямолинейного построения — [Маскаев 1964: 115].

³ Интересно также, что русское слово «благый» — «благой» в мордовском языке получило обратный смысл — «злой». Такое же значение родственное слово имеет в литовском языке [Васильков 1998: 358]. Впрочем, в мордовском фольклоре существует представление о чудесном зачатии, когда дети рождаются от связи девушек с небожителями: такие дети именуются также «благими». Как уже говорилось, сходная трансформация значений произошла и с именем самого балтийского громовника в саамской мифологии. Перкелем там именуется злой дух, соблазнивший мать громовержца — вариант «основного мифа», где соблазненной оказывается жена громовника.

Владимир Яковлевич Петрухин
«РУСЬ И ВСИ ЯЗЫЦИ»:
АСПЕКТЫ ИСТОРИЧЕСКИХ ВЗАИМОСВЯЗЕЙ
ИСТОРИКО-АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ

Издатель А. Кошелев

Зав. редакцией М. Тимофеева

Корректор Е. Сметанникова
Художественное оформление переплета С. Жигалкина
Оригинал-макет подготовлен Е. Морозовой

Подписано в печать 11.04.2011. Формат 60×90 ¹/₁₆.
Бумага офсетная № 1, печать офсетная, гарнитура Times.
Усл. печ. л. 24. Тираж 1000. Заказ №

Издательство «Языки славянских культур».
№ госрегистрации 1037789030641.
Phone: **95-95-260**. E-mail: **Lrc.phouse@gmail.com**
Site: **<http://www.lrc-press.ru>, <http://www.lrc-lib.ru>**

*

Оптовая и розничная реализация — магазин «Гнозис».
Тел./факс: (499) 255-77-57, тел.: (499) 246-05-48, e-mail: gnosis@pochta.ru
Костюшин Павел Юрьевич (с 10 до 18 ч.).
Адрес: Зубовский проезд, 2, стр. 1
(Метро «Парк Культуры»)